

УДК 821.112.2(09)
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155

EDN IOHAQC

Феномен транснационализма в романах А. Хидера

Зинаида Евгеньевна Перфильева

**к. филол. н., доцент кафедры романо-германской филологии
и методики преподавания иностранного языка**

Оренбургский государственный педагогический университет

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. Pse80@yandex.ru

SPIN-код: 7107-6791

Статья поступила в редакцию 19.10.2022

Одобрена после рецензирования 25.01.2023

Принята к публикации 28.08.2023

Информация для цитирования

Перфильева З. Е. Феномен транснационализма в романах А. Хидера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 148–155. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155

Аннотация. В современных реалиях творчество писателей с эмигрантским прошлым стало неотъемлемой частью многонациональной культуры Германии. Выходец из Ирака Аббас Хидер – один из наиболее ярких представителей эмигрантского сегмента немецкоязычной литературы Германии. Сложности, возникающие при интеграции беженцев в поликультурном европейском обществе, являются актуальными в современных условиях процесса глобализации, что объясняет популярность данной проблематики в творчестве авторов-эмигрантов. Предмет исследования – феномен транснационализма в романах А. Хидера. Материалом работы послужили четыре произведения писателя – «Ложный индус» (2008), «Апельсины президента» (2011), «Пощёчина» (2016) и «Письмо в баклажанную республику» (2013). Цель исследования – изучить особенности художественного выражения феномена транснационализма в творчестве А. Хидера. Задачами работы являются рассмотрение и уточнение термина «транснационализм» в контексте современной прогрессирующей глобализации, анализ транснациональных моделей отношений, нашедших отражение в системе образов рассматриваемых произведений, изучение специфики формирования идентичности персонажей романов А. Хидера. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в российском литературоведении предпринимается попытка проанализировать отдельные особенности поэтики романов А. Хидера, в частности признаки транснационализма в художественном пространстве его романов. Результаты работы расширяют представление о состоянии современной немецкоязычной литературы, органической частью которой стали произведения писателей с эмигрантским прошлым.

Ключевые слова: немецкоязычная литература; эмигрантская литература; транснационализм; транскulturность; идентичность; самоидентификация.

В современном мире мобильность становится логичной, неизбежной, часто вынужденной частью жизненных стратегий многих людей, складывается специфическая культура миграции. Проблемы адаптации, интеграции, самоидентификации, связанные с процессом миграции, закономерно являются центральными темами творчества писателей с эмигрантским прошлым.

Не стал исключением и А. Хидер – немецкоязычный автор иракского происхождения.

Актуальность работы обусловливается необходимостью анализа особенностей поэтики литературного творчества одного из самых знаковых писателей «литературы миграции» Германии А. Хидера для формирования более целостной картины развития современного литературного

процесса в немецкоязычном пространстве. Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в курсах истории зарубежной литературы, а также в курсах, посвящённых углубленному изучению современной литературы Германии.

Зачастую беженцы вынуждены существовать на периферии тех или иных обществ. Нередко отрыв от родной земли, привычных условий и потрясения от столкновения с другими культурами приводят к ощущению отсутствия Родины, к своего рода «бездомности» [Hausbacher 2011: 218]. Эмигранты стремятся обрести будущее и Родину. Это стремление может реализовать их интеграцию, но может и навсегда остаться лишь стремлением, как это нам показывает литература мигрантов второго и третьего поколений. Есть такие литературные примеры, где мы видим абсолютное отсутствие возможности для беженца остаться: ожесточённый многочисленными испытаниями герой романа А. Хидера «Пощёчина» (“Ohrfeige”, 2016) Карим Менси задаёт своей наставнице в миграционном бюро вопрос: “Was bedeutet es für mich, wenn ich weder in der Heimat noch in der Fremde leben darf?” [Khider 2016: 19] («Что это для меня значит, если я не могу жить ни на Родине, ни на чужбине?» (Перевод здесь и далее наш. – З. П.). Ответ для него очевиден: если это общество его не принимает, он будет искать другое через сеть всевозможных сообществ и объединений беженцев.

Н. Глик-Шиллер, Л. Баш и К. Зантон-Бланк в своем фундаментальном исследовании “Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration” («Транснационализм: новая аналитическая основа для понимания миграции», 2015) указывают на изменившиеся условия при интерпретации мигрантов и миграционных процессов. В сегодняшних реалиях важны стремления мигрантов создавать «социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы» [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton 2015: 139]. Представление о мигрантах как о людях, оторванных от привычных условий, устарело. Прогрессирующая глобализация делает возможным «объединение двух различных обществ» [ibid.]. Следуя этой мысли, авторы дают определение термину «транснационализм», который они обозначают как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, соединяющие друг с другом отправляющие и принимающие их сообщества» [ibid.]. Мигрантов, создающих и развивающих такие связи, они называют «трансмигрантами».

Соединения между отправляющими и принимающими сообществами возникают также бла-

годаря тому, что «современный мир связан глобальной капиталистической системой» [ibid.: 143]. А. Вербергер, ссылаясь на связи в контексте новой формы «истории литературы как истории сращения», констатирует, что «взаимодействия происходят между индивидуумами не только через философию и религию, но и через инфраструктурные, экономические и институциональные связи» [Werberger 2012: 123]. В ситуации транснациональных миграций складывается особая, подвижная идентичность, которая представляет собой «гибкий и нестабильный феномен», постоянно находящийся в процессе «деконструкции и реконструкции, поскольку мигранты вынуждены решать проблемы идентичности в результате перемещения между культурами и различными социальными системами» [Петров, Заславская, Ракачев, Ракачева 2022: 119].

В произведениях А. Хидера также запечатлены транснациональные связи. В романе «Пощёчина» протагонист рассказывает о том, что благодаря посредникам в Германии осуществляется валютный трансфер в отдаленные горячие точки. “Der Geldverkehr in den Irak zum Beispiel funktioniert hervorragend” («Денежные переводы, например, в Ирак функционируют превосходно») [Khider 2016: 22], заявляет Карим. На самом деле это не обычные денежные переводы: в определённых местах, например в мечетях или так называемых «культурных центрах» [Khider 2016: 22], существуют соответствующие люди и возможности «надежного» денежного трансфера. Карим обнаруживает в окрестностях Мюнхенского центрального вокзала, «района западно-восточного дивана» (“West-östlichen-Diwan-Gegend”) [Khider 2016: 22], как он его называет с отсылкой к сборнику стихов И. В. Гёте, множество мест встреч мигрантов, ищущих всякого рода помощь.

Не только упоминание «Западно-восточного дивана» И. В. Гёте указывает на транскультурность, встречающуюся в подобных районах. Мечеть, где обретаются посредники, ответственные за Ирак, носит в быту название «мечети Гёте» «Goethemoschee» [ibid.]. Решающим фактором возникновения этого наименования является, конечно, расположение мечети на Гёте-штрассе, но на языковом уровне указывается на переплетение исламской и немецкой культуры. Днём постояльцы обитают не в «мечети Гёте», а в «культурном центре Энлиль» в том же здании. И здесь ощущается, как иракская культура торжественно вступила на Гёте-штрассе: при входе в помещение Кариму вспоминается «загаженное кафе у северных ворот в центре Багдада» (“ein verdrecktes Café am Nordtor im Zentrum von Bagdad”) [ibid.: 21]. Карим дополняет конкрет-

ные топографические реалии подробностями и говорит, что помещения напоминает ему место в Багдаде, где размещался кинотеатр «Шехерезада» [Khider 2016: 22]. Так образовалась связь между великим немецким поэтом и одной из известнейших легенд Востока. Однако при этом возникает ощущение, что немецкая культура – символически представленная здесь «Отелем Гёте» (“Goethe-Hotel”) – в буквальном смысле набрасывает тень на восточную культуру: единственное окно не дает свет из-за восьмизэтажного отеля, расположенного напротив культурного центра. Комично выглядит также огромная картина с изображением статуи Свободы в туалетной зоне [ibid.]. Таким образом, в этом эпизоде наряду с транскультурным смешением наблюдается соперничество между Востоком и Западом: Запад доминирует как в культурном плане (Гёте бросает тень на Шехерезаду), так и в национальном (статуя Свободы в багдадском центре).

В романе объекты культурных центров и мечетей не вплетаются в немецкие структуры, а, напротив, пытаются их обойти, так как являются, по законам Германии, нелегальными. Здесь формируются контакты с контрабандистами, осуществляются поиски «чёрной» работы, заключаются фиктивные браки, производится торговля людьми. Такие места называются «культурными центрами» только для того, «чтобы добиться налоговых преференций» [ibid.: 22]. Услугами таких объектов пользуются маргинальные слои общества, по словам Карима. На этом фоне «немецкие слова “Kultur” и “Goethe” кажутся роскошными и излишними» (“Daneben wirken die deutschen Vokabeln “Kultur” oder “Goethe” luxuriös und überflüssig”) [ibid.]. Таким образом, транснациональные социальные отношения вынуждены опираться на криминальные структуры. Ещё один пример: Карим хочет отправить сэкономленные деньги семье в Багдад, и для этого он обращается за помощью к мужчине с сомнительной репутацией из «мечети Гёте». При этом Карим отмечает: „Wir sind komplett ausgeliefert. Um zu überleben und nicht vollständig wahnsinnig zu werden, brauchen wir die Vermittler, die Mafiosi, die Geldgeilen, die Schmuggler, die bestechlichen Polizisten und Beamten, wir benötigen all die Blutegel, die von unserer Situation profitieren wollen“ («Мы полностью зависимы. Чтобы выжить и совсем не сойти с ума, нам нужны посредники, мафиози, наемники, контрабандисты, продажные полицейские и чиновники, нам всем нужны пиявки, которые хотят нажиться на наших бедах») [ibid.: 28].

Согласно Н. Глик-Шиллер и её соавторам, в отношении таких взаимодействий, в результате которых происходит обмен материальными ве-

щами, следует понимать, что «материальные вещи вплетены в социальные отношения» [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton 2015: 144]. Так, деньги, отправленные в Ирак, могут рассматриваться как «выражение социального успеха» в Германии, они оказывают влияние на социальную жизнь семьи в Ираке. Другими словами, отправленные материальные вещи создают и поддерживают транснациональные социальные отношения.

В третьем романе А. Хидера «Письмо в баклажанную республику» (“Brief in die Auberginenrepublik”, 2013) [Khider 2013] пространство письма становится средством обеспечения транснациональных социальных связей. Роман повествует о молодом иракце Салиме, вынужденном бежать из своей страны по политическим причинам. Из ливийского города Бенгази он отправляет письмо своей возлюбленной Самии в Багдад. Далее описывается путешествие письма из Ливии через Египет и Иорданию в Ирак. Каждая глава посвящена одному из семи этапов пути, и повествование ведется от лица разных рассказчиков, включенных в этот процесс. Выстраивается своего рода мозаика судеб и различных точек зрения на сложившуюся в арабских странах ситуацию.

«Письмо в баклажанную республику» рассказывает также о пределах и сложностях транснациональных социальных связей и об эмоциональных и экономических последствиях. В основе повествования – чувство расставания и тоски, знакомое автору из его опыта бегства из родной страны. Как и в каждом из своих произведений, А. Хидер и здесь вплетает автобиографические мотивы, заставляющие читателя размышлять о фактах и фикции.

Эпиграфом к этому роману стало посвящение: „Fast ein Jahrzehnt <...> hast Du kaum Briefe von mir erhalten, und ich ebenso wenige von Dir. Für Dich und für die anderen wartenden, traurigen und dennoch hoffnungsvollen Seelen ist dieses Buch“ («Почти десять лет <...> ты не получала от меня писем, и я от тебя – тоже. Посвящаю эту книгу тебе и другим ждущим, грустящим и тем не менее полным надежд душам») [ibid.: 5].

Но если ждущие еще могут надеяться, то у беженцев отсутствуют всякие иллюзии. Уже на следующей странице приведен стих Розы Ауслэндер, где трезво и печально рассказывается о вечных утратах [ibid.: 6]. То, что однажды было разрушено, не вернется уже никогда в свое прежнее состояние. Осознание этого часто вызывает непреодолимую боль потери, если речь идет о когда-то нормальной жизни, где люди, места и вещи стали осколками разбитого прошлого. Если люди потеряны навсегда, будь то из-за смерти

или невозможности увидаться, они постепенно отдаляются друг от друга, так как синхронически они «остаются на своих местах», диахронически же «ничто не остается прежним» [Khider 2013]. Воспоминания неотвратимо блекнут, и «сосуд», должный хранить былое как сокровище, есть свидетельство утраты – он существует, но разбитый, в иной, не в первоначальной, а в дефективной форме. Салим ещё помнит, но уже не так отчетливо: “Man denkt und erinnert sich nicht mehr an die schönen Augen oder die wilden Haare der Freundin” («Думаешь и уже не помнишь красивых глаз и непокорных волос любимой») [ibid.: 21]. Предложение, по сути, парадоксально, так как Салим одновременно утверждает, что не может вспомнить и всё же помнит «красивые глаза» и «непокорные волосы». Это неполноценное воспоминание, поврежденное утратой изначальной целостности. Перманентное ощущение потери может стоять беженцу мужества и надежды и вогнать его «в состояние полного безразличия» [ibid.: 18]. Кроме того, это «безразличие и легкость могут стать местом личной свободы» [ibid.]. На эту тему рассуждает В. Флуссер в своей работе «О свободе мигранта» (“Von der Freiheit des Migranten”, 1994) [Flusser 1994]. Автор задаётся вопросом: в какой мере мигранты могут считаться свободными в состоянии вынужденной свободы, ведущей к безразличию, и ввиду полного отрыва от Родины? Свободу человека, лишившегося Родины, то есть свободу мигранта, В. Флуссер обозначает как «свободу ответственности за ближнего» [ibid.: 26]. Родина, ставшая таковой по факту или рождения, или переселения, – лишь модель, вид которой, по В. Флуссеру, – «сакрализация банального» и «мистификация привычного» [ibid.: 26]. Из своего собственного опыта автор утверждает, что, живя в эмиграции в Бразилии, он пришёл к выводу, что гораздо важнее модели Родины (всегда привязанной к патриотизму и национализму) есть социальные связи, люди, с которыми возникают отношения. «Не Бразилия – моя Родина, “Родина” для меня – люди, за которых я несу ответственность», – пишет В. Флуссер [ibid.: 26].

В. Флуссер различает социальные связи, «заложенные с рождения», и такие, которые «формируются свободно» [ibid.: 24]. Таким образом, свобода мигранта – свобода формировать связи и отношения. Свободным мигрант становится не когда «отрицает Родину», а когда он ее «упраздняет» [ibid.: 20].

Итак, свобода мигранта – это скорее не физическое, а психическое состояние. Безразличие Салима в «Письме в баклажанную республику» может рассматриваться не только как проявление ощущения безнадежности, но и как шаг к после-

довательному разрешению конфликта с Родиной. Именно поэтому Салим испытывает не только безразличие, но и «легкость» [Khider 2013: 18]. Вероятно, он внутренне смирился с тем, что ему придется «отказаться» от Родины – в понимании В. Флуссера, «упразднить» её [Flusser 1994: 20]. Салим также смирился с тем, что письмо, «вероятнее всего, никогда не дойдёт до своего адресата» [Khider 2013: 18].

В романе А. Хидера «Ложный индус» (“Der falsche Inder”, 2008) [Khider 2008] решение конфликта с Родиной также не добровольное. Протагонист Расул бежит из Ирака по политическим соображениям после того, как он провёл некоторое время в тюрьме. Разрыв с Родиной начинается раньше и тесно связан с фигурой отца. Расул рассказывает, что однажды «дома его ожидало самое худшее из худшего» [ibid.: 27]. Его отец решил встать на сторону Саддама Хуссейна. Природный феномен ливня – идёт такой сильный дождь, что перед домом собирается вода и в ней всплывает весь мусор – Расул рассматривает как следствие решения отца: «Der Himmel vergoss Tränen» («Небо проливало слезы») [ibid.]. Согласно государственному постановлению, читать и писать теперь разрешалось только в образовательных учреждениях, поэтому отец отправил все книги и заметки сына в грязную воду перед домом. Плачущее небо, как и книги и заметки Расула, персонифицируется, сцена приобретает силу образности и символичности: “Dieses Mal begrüßten mich aber meine Manuskripte und Bücher im Wasser vor dem Haus. Wie Leichen an der Front lagen sie da und schauten mich entsetzt an” («В этот раз мои книги и манускрипты приветствовали меня в воде перед домом. Как трупы на фронте лежали они и с ужасом смотрели на меня») [ibid.: 28].

Расул чувствует себя не просто преданным и обманутым, это символическое убийство и объявление войны его отцом. Отныне его тошнит, когда он видит отца. То же самое Расул ощущает при взгляде на себя самого и своих соотечественников, так как суровая реальность заставляет его другими глазами смотреть на людей, которых он когда-то знал: “wir alle waren zu Fantasiekreaturen mutiert” («мы все мутировали в фантастических тварей») [ibid.]. Чувство, что на смену его Родине пришла чужая враждебная реальность, усиливается после ареста Расула.

Ощущение несвободы продолжается на воле, Расул становится параноиком, страдает бессонницей и видит для себя два выхода: суицид и эмиграцию. После неудачи с первым вариантом он решается на побег. Чувство потери реальности и мания преследования, одолевающая его после освобождения, умножаются ощущением

внутренней пустоты: “Danach gab es für mich keine neuen Wege mehr in meinem Land, nur ein großes Nichts” «Затем для меня не было новых дорог в моей стране, только одно большое ничто» [Khider 2008: 71]. У Расула начинается когнитивный кризис, но он ещё не может осознать разрыв с Родиной, свою вынужденную «безродность» [ibid.].

Чувство отчужденности и безродности сопровождает протагониста уже давно. Если воспринимать «Родину» по факту рождения, то Расул в этом отношении нонконформист: он испытывает отчужденность уже с детства, так как окружающие уже тогда «сомневались в его иракском происхождении» [ibid.: 15]. Рассказ начинается с того, что Расул пытается выяснить, откуда у него нетипичная для иракца смуглая кожа, «напоминающая кофе» [ibid.: 13]. Причинами «смуглой кожи, иссиня-черных волос и темных глаз» он называет «солнце Багдада, жар кухни и пекло каменной печи» [ibid.: 14]. В то же время Расул иронично замечает, что все эти внешние признаки применимы к большинству иракцев, «жителей Месопотамии» [ibid.]. Кроме того, подобные рассуждения нереалистичны. Наивность принципов объяснения дается в перспективе Расула-ребёнка, это одновременно отсылка к ироничному обыгрыванию мифа о происхождении. Мальчишки из его квартала называют Расула «индейцем», учительница – «индусом», водители автобуса часто разговаривают с ним по-английски, а полицейские в Багдаде атакуют допросами с целью установления происхождения. Подобным образом ведут себя и полицейские в Германии, не веря в его иракское происхождение и подозревая в мошенничестве. Уже в названии книги «Ложный индус» подразумевается кризис идентичности протагониста. Происхождение Расула постоянно подвергается сомнению как в Ираке, так и в Германии, поэтому герой с самого начала изображается как персонаж, потерявший свои корни, как чужак, будь он в Ираке или в другом месте. Благодаря этому формируется миф о происхождении. Отец Расула оказал влияние на отчуждение сына и возникновение мифа о его происхождении, давая дополнительные пояснения по поводу его «неиракской» внешности. Таким образом, история Расула становится частью мира метафизики А. Хидера, где реальность и фикция растворяются и становятся незначительными, так как все истории равноценны.

Согласно отцу, Расул – сын безумно красивой цыганки, с которой у него была интрижка. По словам отца, он забрал у неё ребёнка, а её прогнал [ibid.: 15]. Эта история Расулу нравится, так как если родиной цыган является Индия, то «он мог бы обозначить себя сам как индо-иракский

цыган» и тем самым «положить конец экзистенциальным вопросам» [ibid.: 17].

Разработки транснациональных и транскультурных историй происхождения обнаруживаются и в романе А. Хидера «Апельсины президента» (“Die Orangen des Präsidenten”, 2011) [Khider 2011]. Таков голубевод Сами, на которого смотрит гомодиегический рассказчик интрадиегического повествовательного уровня Махди, «иракец шумерского происхождения, упавший с ассирийской лошади на вавилонский камень и получивший после этого месопотамскую чудинку» (“ein Iraker sumerischer Abstammung, der von einem assyrischen Pferd auf einen babylonischen Stein fiel und daraufhin einen mesopotamischen Vogel bekam”) [ibid.: 100]. Юмористическая характеристика Сами, подчеркивающая его своеобразие, иронизирует над дискурсом происхождения в общем. Речь идет также о том, что современное государство Ирак восходит своими корнями не к одному народу и одной культуре, а самые разные народы и культуры лежат в основе его становления.

Разак, друг Махди и Сами, представлен тоже как транснациональная, транскультурная фигура. Разак – индус, учитель истории, для Махди он – “mehr Iraker als viele Iraker selbst” («больше иракец, чем многие иракцы») [ibid.: 100]. Сами заявляет, что он с удовольствием был бы индусом, если бы они все были как Разак, и что Ирак «мог бы пережить новую легенду Месопотамии», если бы все иракцы были такими, как Разак. Отец Разака был легендой: будучи индийским солдатом британской армии, он перешел к иракским партизанам, чтобы бороться с британской оккупацией. Позже он написал первый манифест первой иракской партии, иракской коммунистической партии [ibid.].

Герой Ирака, уроженец Индии, являющийся более «иракцем, чем все иракцы» и лучше их знающий историю Ирака, в то же время потомок великих культур – шумерской, ассирийской и вавилонской, – всё это уничтожает иракский националистический миф о происхождении, отвергает идентитарную, расистскую модель и, напротив, утверждает модель индивидуального, гетерогенного и гибкого. Здесь выражается критика идеи о едином первоначале, которую поддерживает также определенная двойственность персонажей, нарушающая идентичность, заставляющая их оторваться от своих установок и придающая образам неоднозначный характер.

Двойственность обнаруживается в первом романе А. Хидера «Ложный индус». Подобно неустановленному происхождению Расула, лишён фиксированности и образ его матери. Из-за рассказов отца и последовавшей за этим неодно-

значности фигуры матери Расул не в состоянии отнести к ней единственную, стабильную идентичность. Двойственность фигуры матери усиливается общим именем женщин: имя обеих – Сельва. Он говорит о матерях, называя их «мачеха», «мать не цыганка» или «мать-цыганка» [Khider 2008: 16]. Сам себя он идентифицирует частично с незнакомой «матерью-цыганкой», но считает настоящей матерью «мать не цыганку» [ibid.: 17]. Протагонист дистанцируется от однозначного отнесения себя только к одному материнскому источнику [Hausbacher 2008: 68]. Поскольку фигура матери задумана как некое начало, её подобным образом выстроенная структура двойственности и неоднозначности коррелирует с транснациональными и транскультурными структурами происхождения: она сопротивляется однозначным оригинальным классификациям.

И сам протагонист Расул – фигура двойственная: в Греции полицейский путает его с пакистанским наркоторговцем и поэтому избивает. Полицейский уверен, что поймал дилера, виновного в смерти его брата. Недоразумение вскоре проясняется. Когда Расулу показывают фото разыскиваемого пакистанца, он сам поражается своему сходству с ним. Идентичность Расула подвергается сомнению: в отношении его культурного и этнического происхождения, в отношении его матери и в отношении его внешности. Он сам не уверен в восприятии самого себя настолько, что похожий на него пакистанец вызывает в нем большое замешательство [Khider 2008: 20].

Автор обостряет ситуацию, вводя в повествование тезку Расула. Когда протагонист в качестве учителя Корана останавливается в деревне на границе с Ливией, он замечает, что все, кто слышит его имя, начинают смеяться. Расул видит, что его имя везде написано на стенах и камнях. Директор школы поясняет ему, что жители деревни верят, что в будущем с неба сойдет герой по имени Расул, который изменит мир. Позже он рассказывает другую историю: по его словам, в этом месте преподавал учитель арабского языка нетрадиционной ориентации, который пользовался особой популярностью у деревенских мальчишек [Khider 2008: 61].

Созданная здесь двойственность усиливает непрочность и фантомность целостной идентичности Расула. П. Фус пишет, что «имя и субъект – единственное культурное образование. Как таковые они становятся предметом гротескного разложения, которое обнаруживается показательным образом в типичных для Ренессанса картинах анаграмм и в романтическом мотиве двойничества: разложение имени и индивидуальности

есть средства ликвидации субъективности» [Fuß 2001: 176].

Двойственность подрывает не только привязанную к имени идентитарную установку, она также играет роль в установке гетерогенной сексуальной идентичности (особенно в арабских обществах). Исходя из предположения обязательной для идентичности гетерогенной маскулинности, в «Пощёчине» тоже нарушена идентичность протагониста Карима, страдающего гинекомастией, так как подвергается сомнению его гетерогенная сексуальность. Рассматривая себя и свою грудь в зеркале, он настолько не уверен в своей идентичности, что рассказывает о себе в третьем лице [Khider 2016: 78]. В «Апельсинах для президента» также обнаруживается отчуждение героя перед зеркалом: после долгого тюремного заключения Махди видит в зеркале «чужака» [Khider 2011: 112]. Чужак в зеркале может пониматься как метафора раскола и потери идентичности.

В результате проведённого анализа особенностей художественного выражения феномена транснационализма в романах А. Хидера нам удалось выявить и проследить формирование моделей транснациональных и транскультурных связей и отношений, которые нашли своё отражение в системе образов изучаемых произведений. Анализ специфики формирования идентичности персонажей А. Хидера показал присущую фигурам беженцев структуру двойственности и неоднозначности, выступающих свидетельством повреждения и потери целостной идентичности как результат их оторванности от родной земли и невозможности абсолютной интеграции и адаптации в принимающей культуре. Рассмотренная через призму транснационализма идентичность предстаёт в виде некоей триады: монолитная идентичность – иллюзия монолитной идентичности – двойственная идентичность. Следует отметить, что «двойничество» и многомерность образов являются характерной особенностью транснациональной литературы.

Список литературы

- Петров В. Н., Заславская М. И., Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 1 (294). С. 112–121. doi 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-112-121
- Flusser V. Von der Freiheit des Migranten, Einsprüche gegen den Nationalismus. Berlin: Bollmann Verlag, 1994. 142 S.

Fuß P. *Das Groteske, Ein Medium des kulturellen Wandels*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2001. 513 S.

Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration // Transkulturalität: Klassische Texte* / hrsg. von A. Langenohl, R. Poole, M. Weinberg. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2015. 328 S.

Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre «postkoloniale» Lektüre // Meine Sprache grenzt mich ab... / hrsg. von G. Vorderobmeier, M. Wolf*. Wien: Lit Verlag, 2008. 307 S.

Hausbacher E. *Mimikry, Groteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur // Zwischenräume der Migration / hrsg. von G. Marinelli-König, A. Preisinger*. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2011. S. 217–234.

Khider A. *Der falsche Inder*. Hamburg: Edition Nautilus, 2008. 157 S.

Khider A. *Die Orangen des Präsidenten*. Hamburg: Edition Nautilus, 2011. 160 S.

Khider A. *Brief in die Auberginenrepublik*. Hamburg: Edition Nautilus, 2013. 160 S.

Khider A. *Ohrfeige*. München: Carl Hanser Verlag, 2016. 219 S.

Werberger A. *Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte // Kulturen in Bewegung / hrsg. von D. Kimmich, S. Schahadat*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2012. S. 109–141.

References

Petrov V. N., Zaslavskaya M. I., Rakachev V. N., Rakacheva Ya. V. *Sotsial'naya identichnost' v usloviyakh transnatsional'noy migratsii: teoreticheskie konstruksii sotsiologicheskogo issledovaniya* [Social identity in the context of transnational migration: Theoretical constructions of sociological research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. I: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series 'Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology'], 2022, issue 1 (294), pp. 112–121. doi 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-112-121. (In Russ.)

Flusser V. *Von der Freiheit des Migranten, Einsprüche gegen den Nationalismus* [The Freedom of the Migrant, Objections to Nationalism]. Berlin, Bollmann Verlag, 1994. 142 p. (In Ger.)

Fuß P. *Das Groteske, Ein Medium des kulturellen Wandels* [The Grotesque, a Medium for Cultural Changes]. Weimar, Vienna, Böhlau Verlag, 2001. 513 p. (In Ger.)

Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration [Transnationalism: A New Analytical Framework for Understanding Migration]. Transkulturalität: Klassische Texte [Transculturality: Classical Texts]*. Ed. by A. Langenohl, R. Poole, M. Weinberg. Bielefeld, Transcript-Verlag, 2015. 328 p. (In Ger.)

Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre 'postkoloniale' Lektüre [Migration and literature: Transnational styles and 'postcolonial' Literature]. Meine Sprache grenzt mich ab... [My Language Limits me...]* Ed. by G. Vorderobmeier, M. Wolf. Vienna, Lit Verlag, 2008. 307 p. (In Ger.)

Hausbacher E. *Mimikry, Groteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur [Mimicry, Grotesque, Ambivalence, On the Esthetic of Transnational Migration Literature]. Zwischenräume der Migration [Spaces of Migration]*. Ed. by G. Marinelli-König, A. Preisinger. Bielefeld, Transcript-Verlag, 2011, pp. 217–234. (In Ger.)

Khider A. *Der falsche Inder* [The Village Indian]. Hamburg, Edition Nautilus, 2008. 157 p. (In Ger.)

Khider A. A. *Die Orangen des Präsidenten* [The President's Oranges]. Hamburg, Edition Nautilus, 2011. 160 p. (In Ger.)

Khider A. *Brief in die Auberginenrepublik* [Letter to the Aubergine Republic]. Hamburg, Edition Nautilus, 2013. 160 p. (In Ger.)

Khider A. *Ohrfeige* [A Slap in the Face]. Munich, Carl Hanser Verlag, 2016. 219 p. (In Ger.)

Werberger A. *Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte [Reflections on a history of literature as a history of entanglement]. Kulturen in Bewegung [Cultures on the Move]*. Ed. by D. Kimmich, S. Schahadat. Bielefeld, Transcript Verlag, 2012, pp. 109–141. (In Ger.)

The Phenomenon of Transnationalism in the Novels of A. Khider

Zinaida E. Perfileva

Associate Professor in the Department of Romano-Germanic

Philology and Foreign Language Teaching Methods

Orenburg State Pedagogical University

19, Sovetskaya st., Orenburg, 19460000, Russian Federation. Pse80@yandex.ru

SPIN-code: 7107-6791

Submitted 19 Oct 2022

Revised 25 Jan 2023

Accepted 28 Aug 2023

For citation

Perfileva Z. E. Fenomen transnatsionalizma v romanakh A. Khidera [The Phenomenon of Transnationalism in the Novels of A. Khider]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 148–155. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155 (In Russ.)

Abstract. In modern realities, works written by immigrant authors have become an integral part of the multinational culture of Germany. A native of Iraq, Abbas Khider is one of the most prominent representatives of the immigrant segment of German-language literature in Germany. The difficulties that arise during the integration of refugees into the multicultural European society represent a topical issue in the current context of globalization, which explains the popularity of this theme in works by immigrant writers. The subject of the article is the phenomenon of transnationalism in A. Khider's novels. The study analyzes four works of the author – *The Village Indian* (2008), *The President's Oranges* (2011), *A Slap in the Face* (2016), and *Letter to the Eggplant Republic* (2013). The article aims to investigate how the phenomenon of transnationalism is represented in A. Khider's works. The research objectives were as follows: to consider and clarify the term 'transnationalism' in the context of modern progressive globalization; to analyze the transnational models of relations reflected in the system of images of the works under consideration; to explore the formation of the characters' self-identification. The study is novel in that it represents the first attempt in Russian literary criticism to analyze certain features of the poetics of A. Khider's novels, in particular the phenomenon of transnationalism as presented in the literary space created by the author. The results of the study expand the understanding of the state of modern German-language literature, with works of immigrant writers being its integral part.

Key words: German-language literature; immigrant literature; transnationalism; transculturality; identity; self-identification.